

М. В. РАЗУМОВСКАЯ

«ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ» БЮФФОНА И ФОНВИЗИН

(к постановке вопроса)

Жорж-Луи Леклер граф де Бюффон (1707—1788) был, как это представляется на современном уровне изучения XVIII столетия, одним из наиболее значительных деятелей европейского Просвещения. Мысль эта, которая могла бы показаться излишне смелой, может быть, крамольной, даже наиболее сочувствовавшим просветительскому движению ученым XIX в., очарованным волшебным звучанием имен — Фонтенель, Монтескье, Вольтер, Дидро, Руссо, Гольбах, Гельвеций, Мабли, — в наше время начинает осознаться все явственнее и явственнее.

Его «Естественная история» (1749—1788) явилась одним из наиболее значительных созданий научной и философской мысли эпохи Просвещения. Это — первый в истории европейской культуры подлинно научный, основанный на материалистическом экспериментальном методе труд по зоологии, в котором описаны все известные к тому времени виды млекопитающих и птиц; но это и труд философский, включающий в себя сугубо теоретические трактаты; одним из первых в XVIII в. Бюффон выдвинул и отстаивал положение о единстве растительного и животного мира, состоящих из молекул, взаимные переходы и сочетания которых и создают все явления жизни; это — один из первых научных трудов по антропологии, а автор его — один из основоположников, «отцов» этой науки; одним из первых в XVIII в. Бюффон высказывал прогрессивные идеи о наследственности, об изменчивости видов под влиянием условий среды (климат, питание, образ жизни). Уже в первых строках «Происхождения видов» Чарлза Дарвина говорится, что Бюффон — первый из писателей новейших времен, обсуждавших эволюционную теорию в истинно научном духе.¹

¹ Дарвин Ч. Полн. собр. соч. М.; Л., 1926, т. 1, кн. 2, с. 57. Из новейших работ, посвященных Бюффону-ученому и Бюффону-философу.

Задача настоящей работы — краткий обзор весьма обширной и многообразной темы об истории восприятия и отражения в литературе идей Бюффона в России в XVIII в., а также попытка рассмотреть более углубленно один из частных относящихся сюда моментов.

Наиболее полной, а практически и единственной, работой, посвященной истории проникновения идей и трудов Бюффона в Россию в XVIII в., остается содержательная статья Т. И. Райнова² (статья касается исключительно русской академической науки). Тридцатипятишеститомная «Естественная история» начала выходить во Франции с 1749 г.; первые русские журнальные переводы стали появляться с середины 1750-х гг. В 1756 г. в академическом журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (июнь, октябрь—декабрь) публикуется перевод ряда глав из «Естественной истории», посвященных в основном «историческому в природе» (новые острова и пещеры, «огнедышащие горы», землетрясения, подземные воды), выполненный силами Академии наук.³ В марте 1757 г. в том же журнале появляется статья, в которой разбираются фактические ошибки западноевропейских ученых относительно России, в том числе и ошибки в «Естественной истории». В январе 1759 г. в другом журнале — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» был напечатан отрывок из мемуаров Бюффона по вопросам лесоводства — «Легкий способ г. Бюффона придавать лесу большую плотность, крепость и прочность». В ноябре 1786 г. в литературно-научном журнале Академии «Новые ежемесячные сочинения» в переводе академика Н. Я. Озерецковского публикуется рассуждение Бюффона «О стиле»;⁴ перевод полный, точный, сличение его с оригиналом показывает, что переводчик довольно успешно справился с трудностями французского текста. В 1793—1794 гг. в том же журнале появляется переведенное студентами Академического университета «Защитение г. де Бюффона от несправедливых и неблагопристойных нареканий г. Делюка и Сажа». В руководство «Новых ежемесячных сочинений» входили в то

важнейшие: Piveteau Jean. Introduction. — In: Corpus général des philosophes français, t. XLI. Paris, 1954, p. VII—XXXVII; Roger Jacques. Les Sciences de la vie dans la pensée française du XVIIIe siècle. La Génération des animaux de Descartes à l'«Encyclopédie». Paris, 1963; Fellows Otis. Buffon's place in the Enlightenment. — In: Fellows O. From Voltaire to «La Nouvelle critique». Problems and Personalities. Genève, 1970, p. 54—71; Duchet Michèle. Anthropologie et histoire au Siècle des Lumières. Buffon. Voltaire. Rousseau. Helvetius. Diderot. Paris, 1971, p. 223—277; Канавин И. И. Жорж Луи Леклер де Бюффон. М.; Л., 1966.

² Райнов Т. И. Русские академики второй половины XVIII в. и Бюффон. (К 150-летию русского перевода Бюффона). — Вестник АН СССР, 1939, № 10, с. 126—147.

³ Райнов Т. И. Указ. соч., с. 127; История Академии Наук СССР. М.; Л., 1958, т. 1, с. 293.

⁴ Речь, говоренная в Академии французской графом Бюффоном 1753 года августа 25 дня. — Новые ежемесячные сочинения, 1786, часть V, с. 39—59.

время академики-естествоиспытатели С. Я. Румовский, Н. Я. Озерецковский, А. П. Протасов, высоко ценившие Бюффона. Они же вместе с академиками И. И. Лепехиным, а также П. Б. Иноземцевым, В. Ф. Зуевым, С. К. Котельниковым и Н. П. Соколовым составили коллектив переводчиков «Естественной истории», начавшей выходить по-русски с 1789 г.;⁵ обратим внимание, что И. И. Лепехину принадлежит целиком перевод тт. 5—10. Историки науки особо отмечают при этом заслугу И. И. Лепехина в создании русской естественнонаучной терминологии; удачно подобранные им термины в большей части не устарели и до наших дней.⁶ Однако этот десяти томный русский перевод «Естественной истории», выходивший в течение почти двадцати лет, не был ни законченным, ни полным как по охвату всех томов оригинала, так и в отношении перевода отдельных томов; подстрочные примечания переводчиков касаются в основном неточностей, допущенных Бюффоном в отношении русских реалий.

Как видим, наиболее активный интерес к трудам Бюффона в русских академических кругах хронологически относится к двум периодам: конец 1750-х гг. и конец 1780-х—1790-е гг. (т. е. время, ознаменованное успехами русских естественнонаучных экспедиций П. С. Палласа, И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева). Возможно, как справедливо пишет Т. И. Райнов, это было связано и с тем, что до 1770—1780-х гг. работа Академии наук в области описательного естествознания вращалась в основном в сфере систематики, под влиянием господства систематических идей Карла Линнея, ученого антипода Бюффона (знаменателен и такой факт: К. Линней был выбран в число почетных членов Академии в 1754 г., а Бюффон — только в 1776 г.⁷).

Статья Т. И. Райнова, как говорилось выше, касается только интереса к Бюффону в русских академических кругах. Однако и в кругах неакадемических Бюффон в России XVIII в. был достаточно известен.

Остановимся на некоторых относящихся сюда фактах. В 1783 г. Николай Новиков в издаваемой им газете «Московские ведомости» печатает биографический очерк Бюффона в серии статей, посвященных крупнейшим французским просветителям (Монтескье, Вольтеру, Руссо, Рейналю) и деятелям американской революции (Франклин, Адамс, Вашингтон, № 68—71).⁸ В том же 1783 г. у Н. Новикова в Московской Университетской типографии была издана книга «Дух Бюффона», переведенная

⁵ Бюффон. Всеобщая и частная естественная история. СПб., 1789—1808, т. 1—10.

⁶ История Академии Наук СССР, т. 1, с. 384.

⁷ Райнов Т. И. Указ. соч., с. 129. См. также: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Выпуск второй. СПб., 1875, с. 215—218, 467—469.

⁸ См.: Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе. — В кн.: XVIII век. Сб. 13. Л., 1981, с. 20.

с французского Алексеем Малиновским и включающая в себя избранные отрывки из «Естественной истории»; мы находим здесь не только повествования об отдельных животных, но и фрагменты из теоретических, философских рассуждений Бюффона («О человеке», «О разновидности в человеческом виде»). В 1793—1794 гг. в тобольском журнале «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» регулярно публикуется раздел «Любопытные примечания на нравы животных»; мы встречаем здесь немало отрывков из «Естественной истории», подаваемых, как правило, в легком развлекательном духе («Черты кротости слонов», «О пользе слонов для перевозки артиллерии», «Достопамятные примечания о слонах», «Польза и услуги, получаемые от обезьян», «Хитрости лисиц», «Хитрость и лукавства обезьяны»).⁹ Довольно большой отрывок из входящего в книгу Бюффона теоретического рассуждения «Естественная история человека» был переведен Н. М. Карамзиным в составленной им антологии избранных переводов «Пантеон иностранной словесности».¹⁰ В журнале П. И. Макарова «Московский Меркурий» в его полемической статье против книги А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге» содержится призыв сравнить этот перевод Карамзина с предшествующими переводами соответствующего места у И. И. Лепехина и А. Ф. Малиновского.¹¹

Многие деятели русской культуры XVIII в. (Л. Эйлер, С. Г. Домашнев, И. И. Шувалов) состояли в переписке с Бюффоном; в письме Бюффона к И. И. Шувалову от 4 марта 1778 г. содержится благодарность за присланные ему материалы о новейших русских географических открытиях; упоминание об этих открытиях включено Бюффоном в его книгу «Эпохи природы».¹² «Естественная история» Бюффона имела во многих русских частных библиотеках XVIII в., например в библиотеке Державина.¹³ Остановимся теперь более подробно на одном из интересных частных моментов¹⁴ из истории отражения идей Бюффона в русской литературе XVIII в.

Тема «Фонвизин и Бюффон» впервые была поставлена, сколько известно, А. М. Панченко в его вступительном слове на

⁹ Об этом тобольском журнале см.: Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967, с. 76—78.

¹⁰ Идея первого человека при развитии его чувств. — Пантеон иностранной словесности. Кн. II. М., 1798, с. 38—53.

¹¹ Московский Меркурий, 1803, ч. IV, декабрь, с. 178. То же в кн.: Сочинения и переводы Петра Макарова. 2-е изд. М., 1817, т. 1, ч. 2, с. 37.

¹² См.: Литературное наследство. М., 1937, т. 29—30, кн. I, с. 307—309.

¹³ См.: Державин Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1876, т. 5, с. 654.

¹⁴ Другой эпизод, относящийся к этой теме, — «Василий Лёвшин и Бюффон» вошел в состав доклада, прочитанного мною на II Алексеевских чтениях в ИРЛИ 6 июня 1984 г.

юбилейном заседании в Пушкинском Доме, посвященном 200-летию со дня премьеры «Недоросля», 28 сентября 1982 г. Текст выступления А. М. Панченко остается неопубликованным, и поэтому мы кратко изложим его содержание по отчету об этом заседании. Как говорится в этом отчете, «докладчик привлек внимание слушателей к одному частному, но важному аспекту общественно-политической тематики пьесы, связывающей ее с европейским Просвещением. А. М. Панченко показал, что проблематика пьесы во многом определяется как усвоением, так и полемикой Фонвизина с идеями социальной антропологии, развивавшимися французским натуралистом Ж. Л. Л. Бюффеном, труды которого были хорошо известны в России. Фонвизин полемизирует с таким прямолинейно-оптимистическим толкованием системы понятий дикость—варварство—цивилизация, в результате которого венцом творения оказывался просвещенный европеец. Это означало подмену социальных проблем антропологическими. Фонвизин же делает лейтмотивом своей пьесы тему „оскотинивания“ человека вследствие социальных условий, показывает пагубное действие крепостничества, бесправия и произвола. В таком контексте „Недоросль“ предстает не как бытописательная пьеса, посвященная разложению и одичанию русского дворянства в условиях крепостничества, но оказывается включенным в европейский ряд осмысления таких ключевых для XVIII века понятий, как варварство и цивилизация, просвещение и дикость».¹⁵

Признав справедливость и своевременность соображений, высказанных А. М. Панченко, обратимся к рассмотрению другого аспекта названной темы — не система понятий дикость—варварство—цивилизация, а система понятий человек—животное в творчестве Фонвизина и ее возможное преломление с учетом концепции Бюффона.

Давно замечено, что и «Бригадир», и «Недоросль», как, наверное, ни одно произведение в истории русской литературы, изобилуют упоминаниями разного рода животных. Этот своеобразный «бестиарий» Фонвизина очень многолик, искусно варьируется автором, придающим ему самые разнообразные формы. Остановимся на некоторых из таких форм.

Сравнение человека и животного. В «Бригадире». Советник: «...кавалерист не столько иногда любит жену свою, сколько свою лошадь»;¹⁶ Иван: «Желать смерти никому не надобно, топ шерёге, ниже собаке, не только моей матушке» (1, 90); Бригадирша: «Коли чью я речь больше всех разберу, так это своего Игнатья Андреевича. Все слова выговаривает он так чисто, так речисто, как попугай...» Да видел ли ты, мой батюшка, попугаев?» (1, 65). В «Недоросле». Скотинин: «Ну, будь я свиной

¹⁵ См.: Фоменко И. Ю. Заседание, посвященное 200-летию постановки «Недоросля». — Русская литература, 1983, № 1, с. 254.

¹⁶ Фонвизин. Собрание сочинений: В 2-х т. М.; Л., 1959, т. 1, с. 64. В дальнейшем ссылки на тома и страницы этого издания см. в тексте.

сын, если я не буду ее мужем или Митрофан уродом» (1, 121); Простакова: «Как теленок, мой батюшка; оттого-то у нас в доме все и избаловано» (1, 124); Кутейкин: «Да кабы не умудрил и меня владыко, шедши сюда, забрести на перепутье к нашей просвиrne, взалкал бы, яко пес по вечеру» (1, 142); Вральман: «Уталец! Не постоит на месте, как тикой конь нес узды» (1, 146); он же: «Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсё с лошатками» (1, 176).

Пословицы и поговорки, связанные с миром животных. Бригадир: «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (1, 89); Цыфиркин: «У нас российская пословица: собака лает, ветер носит» (1, 143); Кутейкин: «Писано бо есть, не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами» (1, 126); Простакова: «У меня материно сердце. Слыхано ли, чтоб сука ценят своих выдавала?» (1, 136).

Образные выражения, метафоры, перифрастические обороты. Митрофан: «Здорово, дядюшка! Что ты так ошетиниться изволил?» (1, 122); Простакова: «Я, братец, с тобой лаяться не стану» (1, 138); Цыфиркин: «Ваше благородие, завсегда без дела лаяться изволите» (1, 143); Еремеевна: «Притупились бы эти (указывая на ногти), я бы и клыков беречь не стала» (1, 127); Скотинин: «Что греха таить, одного помету, да вишь как развизжалась» (1, 135); он же: «Загривок немного пронозило» (1, 135); карточная игра «в хрюшки» (1, 87, 88); скотница Хавронья, рассказывающая истории (1, 162). Ср. в «Послании к Ямщикову»: «Блаженна та утроба, которая тобой была жерёба» (1, 213).

Употребление названия животного в качестве уничижительного сравнения, как ругательства. В «Бригадире». Бригадир: «Эдакий урод! Отца применил к медведю: разве я на него похож?» (1, 72); он же: «Вот за минуту применил меня к кобелю» (1, 75); он же: «А он, собачий сын...» (1, 94); он же: «Куды, собака!» (1, 102); он же: «Разве умна, как корова, прекрасна, как бы и то... как сова <...> Денную дуру к ночной птице применить, кажется, можно» (1, 91); он же: «Я говорю, что эдакого скота еще не родилось, который бы вздумал искать в моей жене» (1, 92); Советница: «Все соседи наши такие неучи, такие скоты <...> Они <...> ни о чем больше не думают, как о столовых припасах; прямые свиньи» (1, 55); Иван: «Давно ли живете с такою тварью?» (1, 55); он же: «Вы знаете, каково жить и с добрыми отцами, а я, черт меня возьми, я живу с животными» (1, 54); он же: «Эдакой осел!» (1, 72); он же: «А я, или я скот, чтобы не последовать тому, что хотя один раз случилось в Париже» (1, 70); Бригадирша: «Ах он, собака!» (1, 67); она же: «Уж я у него стала и свинья, и дура» (1, 84). В «Недоросле». Простакова: «А ты, скот, подойди поближе! <...> Экое скотское рассуждение!» (1, 107); она же: «Говори, скот» (1, 108); она же: «Выйди вон, скот» (1, 109); она же: «Ах я, собачья дочь!» (1, 170); Милон: «Экое скотское сравнение!» (1,

121); Митрофан: «Ну! Давай доску, гарнизонна крыса!» (1, 143); Цыфиркин: «А ты что брови-то нахмурил, чухонска сова?» (1, 147); Кутейкин: «Филин треклятый! Что ты буркалами-то похлопываешь?» (1, 147); бранное слово «бестия» в устах Вральмана, Простаковой (1, 109, 113, 127—128, 148).

Пристрастие к животным как средство характеристики персонажа. Не будем подробно останавливаться на этих примерах. Все они достаточно хрестоматийны и все связаны с характеристикой одного человека — Тараса Скотинина.¹⁷ В результате автор создает портрет грубого, низкого, неразвитого человека. С другой стороны, он, возможно, использует это средство, чтобы показать процесс «оскотинивания» природного русского дворянина под влиянием крепостной действительности: любовь к свиньям для него сильнее, чем любовь к людям.

Может возникнуть резонный вопрос: все эти примеры достаточно любопытны, но какое отношение имеют они к теме «Фонвизин и Бюффон»? Перейдем теперь непосредственно к этой теме.

Сначала — одно необходимое пояснение. Фонвизин, как видим, пишет большею частью о «скотах», «скоте», «скотском», о свиньях. Может создаться впечатление, что речь у него идет сугубо о домашних животных. Тем более что и этимологически слово «скот», «скотина», в первоначальном смысле восходящее к древнерусскому и родственным славянским языкам, означает «домашнее животное» и восходит к значению «имущество», «деньги, подать», «налог», «казна».¹⁸ Однако Фонвизин употребляет его в гораздо более широком значении, как синоним понятию «животное». Это видно и из только что цитированных примеров, и из других произведений Фонвизина. Так, в книге К. В. Пигарева тонко проанализировано разнообразное варьирование Фонвизиним смысловых оттенков слова «скот» в басне «Лисица-казнодей»: «В первом случае Фонвизин употребляет его в прямом значении (животные, звери):

Стекались туда скоты со всех сторон
Свидетелями быть огромных похорон.

¹⁷ «Люблю свиней, сестрица» (1, 112); «Осмелюсь спросить, в деревнях ваших водятся ли свинки?» (1, 114); «Все меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный двор» (1, 116); (передразнивает сестру): «„Что тебе: братец, в жене; была бы-де у тебя, братец, хорошая свинья“. Нет, сестра! Я и своих поросят завести хочу» (1, 121); «Да я <...> всех свиней со бела света выкупаю; да я, слышь ты, то сделаю, что все затрубят: в здешнем-де околотке и житье одним свиньям» (1, 121); «...коли у меня теперь, ничего не види, для каждой свинки клевок особый, то жене найду светелку» (1, 121); «Да свиной завод не плох...» (1, 139); «Дома, когда зайду в клева да найду их не в порядке, досада и возмет» (1, 160); «Ты меня счастливее. Меня трогают люди. — А меня так свиньи» (1, 160). Ср. знаменитое «Письмо Тараса Скотинина к родной его сестре госпоже Простаковой» для несостоявшегося периодического издания Фонвизина «Друг честных людей, или Стародум», в котором красноречиво оплакивается смерть его любимой свиньи Аксиньи, названной так в честь родной матери (2, 46—47).

¹⁸ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971, т. 3, с. 655.

Во втором случае, в составном слове „скотолюбие“ («Он скотолюбие в душе своей питал»), появляется некая двойственность смысла. В устах Лисицы оно звучит как похвала <...>, как своеобразная аналогия слову „человеколюбие“ <...>. Но общий сатирический тон басни заставляет читателя воспринимать эту похвалу как злую иронию; понятие „скот“ в данном контексте слова „скотолюбие“ приобретает иной смысл. В устах Крота, заставляющего:

Я Льва коротко знал: он был пресущий скот,

то же слово выступает перед нами только в одном — переносном значении <...>. И он [автор. — М. Р.] заставляет Собаку дважды в одной фразе подчеркнуть этот переносный, ругательный смысл слова <...>:

чему дивисься ты;
Что знатному скоту льстят подлые скоты?»¹⁹

Имя Бюффона непосредственно не упоминается Фонвизиним ни в одном из его произведений, ни в его известной к настоящему времени переписке. Однако, как нам представляется, в произведениях русского сатирика, прежде всего в «Недоросле», можно обнаружить довольно многочисленные следы восприятия идей Бюффона, отражения их, некоторой полемики с ними.

Одно из наиболее знаменитых мест «Недоросля» — VII явление действия третьего, сцена между Кутейкиным и Митрофаном. Позволим себе, несмотря на широкую известность, процитировать его:

«Кутейкин (*открывает часослов* <...>). Начнем благословясь. За мною, со вниманием. „Аз же есмь червь...“

Митрофан. „Аз же есмь червь...“

Кутейкин. Червь, сиречь животное, скот. Сиречь: „аз есмь скот“.

Митрофан. „Аз есмь скот“.

Кутейкин (*учебным голосом*). „А не человек“.

Митрофан (*так же*). „А не человек“.

Кутейкин. „Поношение человеков“.

Митрофан. „Поношение человеков“.

Кутейкин. „И уни...“.

(1, 144).

Можно предположить, что эта сцена в известной мере восходит к «Естественной истории» Бюффона, а именно к ее первым же страницам, где читаем: «Первая истина, которая явствует из изучения природы, — это истина, возможно, унижительная для человека; она заключается в том, что человек дол-

¹⁹ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954, с. 71. — Ср. также сходное толкование этих понятий в статье «Животное, скот» в «Опыте Российского сословника», написанном Фонвизиним через два года после создания «Недоросля» (1, 235). См. также: Петров К. П. Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фон-Визина, СПб., 1904,

жен поместить себя в разряд животных, на которых он походит во всем том, что в них есть материального».²⁰

Здесь выражена основа концепции человека у Бюффона, определяемой его общим отношением к природе и ее закономерностям. Изучая натуру человека, Бюффон не отличает его от животного мира и видит в человеке прежде всего лишь высокоорганизованное животное, наделенное разумом и душой.

Вернемся к анализируемой сцене. На протяжении пьесы не раз говорится, что Митрофан «доучивает часослов» (1, 119).²¹ Если понимать эти слова буквально (а у нас нет оснований отвергать и такой смысл), то все же сцена эта требует некоторых комментариев.²² Как пишет К. В. Пигарев, «зритель понимает лукавство Кутейкина, выбравшего Митрофану для упражнения в чтении именно этот текст».²³ Нам ситуация эта представляется несколько сложнее. А именно: Митрофан читает, вслед за Кутейкиным, по часослову: «Аз же есмь червь...» Но затем Кутейкин, действительно лукавый (а на самом деле это — лукавство автора), предлагает ему другой, свой собственный текст: «Червь, сиречь животина, скот. Сиречь: „аз есмь скот“». И именно этот, второй, текст восходит к Бюффону. Обращение к Псалтири подтверждает это наше предположение. Псалом 21 (7) гласит: «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе».

Таким образом, сцена эта приобретает многоплановость: зритель смеется над невежеством Митрофана, а автор (чего и не понимает большинство зрителей ни времен Фонвизина, ни наших дней) тем временем затрагивает один из кардинальных вопросов философии и антропологии века Просвещения. Еще одним, косвенным доказательством в пользу предлагаемого толкования этой сцены может служить следующее соображение. Зритель смеется. Но он смеется не над словами из священной книги (что было бы невозможно ни для русских людей XVIII в., ни, по-видимому, для самого Фонвизина в 1781 г.), а над совсем другими, посторонними словами; и слова эти, повторяем, отражают сложное отношение Фонвизина к идеям Бюффона.

Каким же было это отношение? Нам кажется, что многие страницы «Бригадира» и, особенно, «Недоросля» перекликаются со страницами «Естественной истории» Бюффона.

Так, в своих пьесах Фонвизин не раз проводит мысль о единстве человека и животного. В «Бригадире» встречаем:

«Сын. Скажите мне, батюшка, не все ли животные, les animaux, одинаковы?

²⁰ Buffon. Histoire naturelle, générale et particulière. Paris, 1749, t. 1, p. 12.

²¹ Ср.: «Кутейкин с часословом» (1, 125); «...а там с его кулаков да за часослов» (1, 127).

²² Ни в одном из изданий «Недоросля», как старых, так и новых, никаких комментариев к этому месту нет.

²³ Пигарев К. В. Указ. соч., с. 171.

Бригадир. Это к чему? Конечно все. От человека до скота. Да что за вздор ты мне молоть хочешь?

Сын. Послушайте, ежели все животные одинаковы, то вить и я могу тут же включить себя?

Бригадир. Для чего нет? Я сказал тебе: от человека до скота; так для чего тебе не поместить себя тут же?» (1, 74).

И в другом месте: «Советник. Или думаешь ты, что у господ в книге животных Акулина Тимофеевна не написана?» (1, 63).

Вслед за хрестоматийным: «Люблю свиной, сестрица» следует продолжение фразы, также свидетельствующее, с одной стороны, о возможности сходства человека и животного — их прямого, а с другой — о некоторой полемичности в отношении Фонвизина к идеям Бюффона: «...а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, которая, став на задние ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою!» (1, 112).

В этом контексте не приходится удивляться и словам Ивана (малопонятным при любом другом толковании), который говорит об окружающих его людях: «*Quelles espèces!*» (1, 75), употребляя естественнонаучный термин, который переводится: «Ну и виды!» — в смысле: «зоологические виды».²⁴ Сюда же, по-видимому, можно отнести многочисленные сравнения (не в переносном, а в буквальном смысле) крепостных с животными и их полное отождествление, свидетельствующие о презрении господ к крестьянам. «Бригадирша. Пожалуй, скажи мне, что у вас идет людям, застольное или деньгами, свой ли овес едят лошади или купленный? <...> Советница. Шутить, радость. Я почему знаю, что ест вся эта скотина? Советник. Не стыди меня! Матушка Акулина Тимофеевна, люди наши едят застольное <...> Хлеб и овес я сам выдаю» (1, 51; ср.: 1, 136).

В то же время Фонвизин, как и Бюффон, четко проводит различие между человеком и животным: человек — животное мыслящее и имеющее душу: «Вить скот сам о себе думать не может. Так не надо ли мне о нем подумать?» (1, 52); «Не о птицах предлежит нам дело, дело идет о разумной твари» (1, 66); «Стародум. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время» (1, 130); «Правдин. Прямое достоинство в человеке есть душа. Стародум. Без нее просвещеннейшая умница — жалкая тварь <...> Невежда без души — зверь <...> От таких-то животных пришел я освободить...» (1, 130).

К Бюффону восходит, на наш взгляд, и статья «Животное, скот» из «Опыта Российского сословника» (1783):

«Все то создание, которое имеет душу живу, называется животное. Следственно, человек и скот под сие название

²⁴ В современных изданиях «Бригадира» (например, 1, 75) в подстрочных сносках выражение это переводится: «Что за уроды!» — что не вполне точно.

подходят. Но если человек называется в добром смысле животным, то скотом иначе не именуется, как в дурном смысле, то есть когда рассудок управляет им не больше как скотом.

Люди и скоты, составляющие род животных, имеют между собою ту разницу, что скот никогда человеком сделаться не может, но человек иногда добровольно становится скотом» (1, 235).²⁵

Наконец, в «Недоросле» можно обнаружить и намек на идею наследственности, одним из главных создателей которой в XVIII в. был Бюффон. Такой наследственной чертой рода Скотининых, по мысли Фонвизина, является свинолюбие:

«Простаков. Странное дело, братец, как родня на родню походить может. Митрофанушка наш весь в дядю. И он до свиной сызмала такой же охотник, как и ты. Как был еще трех лет, так, бывало, увидя свинку, задрожит от радости.

Скотинин. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братец, Митрофан любит свиной для того, что он мой племянник. Тут есть какое-нибудь сходство; да отчего же я к свиньям-то так сильно пристрастился?

Простаков. И тут есть же какое-нибудь сходство, так я рассуждаю» (1, 112).

«Это глубокомысленное рассуждение Простакова, — справедливо замечает К. В. Пигарев, — лишено, разумеется, всякой иронии, что усиливает его комический эффект».²⁶ Мы бы добавили: и придает пьесе дополнительную философскую глубину. У К. В. Пигарева встречаем и еще одно любопытное соображение (правда, он использует его в целях, отличных от наших): «Неспроста недоросль назван Митрофаном. Это имя в дословном переводе с греческого означает: „являющий свою мать“, то есть подобный матери,²⁷ „матерью явленный“, „делающий явной свою мать“».

Что же можно сказать, суммируя, об отношении Фонвизина к Бюффону?

Первое. Автор «Недоросля», на каком-то этапе своей жизни, ознакомился с «Естественной историей» или с какими-то из ее томов, что до сих пор не учитывалось исследователями его творчества. Некоторые из идей Бюффона отразились в пьесах Фонвизина. При этом они приобретали не однозначное, а несколько двоякое звучание. С одной стороны, Фонвизин, надо думать, принимал эти идеи, соглашался с их справедливостью, в какой-то степени (хотя, как мы видели, предельно замаскированно) про-

²⁵ Ср. также: Галахов А. Д. Идеал нравственного достоинства человека по понятию Фон-Визина. — Библиографические записки, 1858, № 13, с. 394 (сближение «Опыта Российского сословника» с соответствующей сценой «Недоросля»).

²⁶ Пигарев К. В. Указ. соч., с. 171.

²⁷ Там же, с. 167. — Ср. там же (с. 173) примеры на эту тему из сочинений П. Н. Поповского и Н. И. Новикова. См. также: Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977, с. 232.

пагандировал их. Но, с другой стороны, нельзя не признать, что он иногда как бы слегка иронизирует над ними, выискивает в них некоторые противоречия; не может с ними до конца согласиться. «Весьма рано появилась во мне склонность к сатире», — говорится в «Чистосердечном признании» (2, 90); с годами это качество в писателе не исчезло.

И второе. Фонвизин целиком принадлежал, конечно, не только к русскому, но и к широкому общеевропейскому движению просветительства. Между отдельными представителями европейского Просвещения, как мы хорошо знаем, не было полного согласия по всем вопросам; напротив, они часто вступали в споры, в ожесточенную полемику, осмеивали друг друга и даже становились врагами; и это не должно нас удивлять; в этом контексте получают свое объяснение и также не должны удивлять нас широко известные расхождения Фонвизина с отдельными французскими просветителями, его пренебрежительные отзывы о них, элементы полемики с ними на страницах некоторых из его произведений.
